П.п.: «Твоя сестра» - это интернет-слово, используемое с намерением проклинать кого-то, на самом деле оно произносится не со злым умыслом, а скорее более небрежно, поэтому вариантом этого может быть: «Играешь в труднодоступную, моя задница!» - это относится к названию главы, возможно, в следующих главах встретиться этот термин.

Тан Шуми поклялась, что завтра она разорвет Су Чжэнь в клочья.

Цзи Линьчэнь сказал:

— Шуми, возможно, нам стоит поговорить.

Его брови были слегка нахмурены, и он говорил очень тихо.

— Нам не о чем говорить, — упрямо ответила Тан Шуми.

Цзи Линьчэнь посмотрел на нее и легкомысленно сказал:

— Не нужно смотреть на эти бессмысленные вещи, веди себя более прилично, и мне это понравится.

Я, твой папочка: «?!»

П.п.: Шуми называет себя здесь Лао Цзы, что также используется как «я, твой отец/папочка» в снисходительном, высокомерном смысле, ставя себя выше Линьчэня.

Тан Шуми схватила подушку и швырнула в него.

Иди к черту!

Цзи Линьчэнь без особых усилий перехватил подушку, а затем бросил ее обратно в ее руки.

Он воспринял ее возмущение как результат унижения, вызванного разоблачением.

— Таких девушек, как ты сейчас, я особо не люблю.

Отвали!!!

Ррр!..

В этой жизни никогда не позволяй мне слышать слово «любовь»!

— Насколько ты болен? Кто хочет тебе понравиться?! Самовлюбленный! — Тан Шуми была на грани того, чтобы наброситься на него и задушить до смерти.

Цзи Линьчэнь небрежно произнес:

— Ммм.

Тан Шуми в ярости уставилась на него.

Что это было за выражение?!

Ее мозг мог автоматически все это перевести: «Эй, я знаю, что ты настроена на жесткий счет».

П.п.: это смесь двух слов, утка + упрямый, это относится к тому, даже до самой смерти утиные клювы не коснутся земли, например, как кто-то откажется признать свои ошибки.

Как раз в тот момент, когда она собиралась выплюнуть ехидное замечание, раздался звонок в дверь.

Цзи Линьчэнь оставил одного яростного человека, который кипел от гнева, чтобы открыть дверь.

Цзян Чжили огляделась, не в силах удержаться от тайного вздоха при виде роскоши комнаты с ночным видом из окна на весь этаж.

Декоративные узоры за дверью были сделаны из текстиля, который образовывал раскрашенную фреску, беглый взгляд показал, что она была сделана руками выдающегося дизайнера. Стена слева была полностью стеклянной и выходила на улицу ночного Парижа.

Дверь открылась с «ка», и Цзян Чжили вышла из транса.

Это действительно был президент Цзи! Внутри она наполнилась самодовольством.

Однако брови человека, открывшего дверь, нахмурились.

Цзи Линьчэнь думал, что это Чжао Янь.

Однако, открыв дверь, он увидел женщину в красном платье, стоящую у входа с кокетливой улыбкой.

— Президент Цзи, я серьезно никогда не думала, что смогу встретиться с вами здесь! Я здесь, чтобы поблагодарить вас, если бы не компания, предоставившая мне эту роль, я определенно...

— Компания?

Голос мужчины не был ни слишком высоким, ни низким, в его темных зрачках не было никаких эмоций.

— Да, я Цзян Чжили из Apple Entertainment, — Цзян Чжили изящно рассмеялась.

Она попросила своего помощника пойти и спросить, кто похитил ее этаж, узнав, что это был Цзи Линьчэнь, тьма в ее сердце мгновенно рассеялась.

Apple Entertainment была собственностью группы Ji, это оправдание было действительно идеальным.

Цзян Чжили улыбнулся еще более очаровательно.

— У тебя есть какое-то дело? — его холодные и апатичные глаза даже не смотрели в ее сторону, нетерпение постепенно накапливалось в нем.

Изогнутые губы Цзян Чжили внезапно застыли, но она быстро вернула себе улыбку.

— Я действительно очень благодарна президенту Цзи за предоставленную мне возможность, поэтому я купила бутылку красного вина...

Говоря это, она подняла бутылку красного вина, левой рукой страстно желая ухватиться за дверной проем.

Как раз в тот момент, когда она собиралась прикоснуться к нему, Цзян Чжили почувствовала чрезвычайно низкое давление воздуха.

Цзян Чжили подняла глаза.

Взгляд Цзи Линьчэня переместился на ее лицо, и он коротко выплюнул:

— Проваливай.

С тихим «бах» дверь закрылась, и Цзян Чжили застыла на месте.

Она считала себя красивой, поклонники называли ее «Красавицей, которую редко можно увидеть за две тысячи лет». В тайне несколько старых главных режиссеров подумывали о том, чтобы взять ее на кастинг, но она знала, что такие ресурсы совершенно бесполезны, и отклонила их все.

Однако Цзи Линьчэнь совершенно отличался от этих грязных стариков с грязными денежными связями, потому что его почитали как «Самого красивого из молодых предпринимателей нового поколения», и у него было лицо бога.

Если она сможет успешно связаться с ним и войти в семью Цзи, то станет одной из первых или вторых самых богатых мадам в семье. Имея простую развлекательную компанию под покровительством семейной группы, она могла играть там, где хотела играть, а также могла дать этим хвастливым, именитым старшим отрасли возможность облизывать свое лицо.

Цзян Чжили изначально думала, что, полагаясь на свою внешность и фигуру, даже если она не сможет войти в семью Цзи, это может перерасти в секс на одну ночь.

Она никогда не думала... ее лицо покраснело, а потом побелело.

Как только Цзи Линьчэнь открыл дверь, он увидел Тан Шуми, прислонившуюся к кровати и играющую на своем телефоне.

Тонкое одеяло едва прикрывало ее фигуру, чрезвычайно тонкие черные бретельки резко контрастировали с ее белыми худыми плечами. Огромное белоснежное пространство, открывшееся между изящными ключицами и грудью, вызывало бесконечное количество диких фантазий.

Глаза Цзи Линьчэня потемнели.

— Кто это был? Чжао Янь? — Шуми подняла веки, выглядя безмятежной, как будто всего несколько минут назад ничего не произошло.

Цзи Линьчэнь не ответил ей, но спросил:

— Тебе нравится?

Он подумал о том, что сказал Чжао Янь.

Шуми отложила телефон, Цзи Линьчэнь на самом деле спрашивал, нравится ли ей?

— Не плохо.

— Если «не плохо», возвращайся пораньше, — холодно сказал Цзи Линьчэнь.

Тан Шуми возразила в ответ:

— Не хочу.

Что ж, она знала это, как мог измениться характер Цзи Линьчэня?

— Веди себя хорошо.

Мы те, кто мы есть.

Я не твоя кошка и не твоя собака.

Тан Шуми покачала головой, твердо сказав:

— Не хочу, теперь я чувствую, что мне снова не весело.

Цзи Линьчэнь внезапно почувствовал легкую головную боль.

В конце она даже высокомерно добавила:

— Когда я захочу вернуться, я вернусь, это не твое дело.

Лицо Цзи Линьчэня было угрюмым:

— Тан Шуми, теперь ты такая многообещающая.

«...»

Тан Шуми: «?»

Она всегда была очень многообещающей.

Съел ли Цзи Линьчэнь сегодня какую-нибудь взрывчатку? Почему его глаза были такими пугающе тяжелыми, а лицо темным?

П.п.: Съеденная взрывчатка = плохое самочувствие, это похоже на идиому «проглотил лимон».

Тан Шуми посмотрела на него и впервые за все время сказала, не съязвив:

— Не смотри на меня так, это немного страшно.

«...»

Цзи Линьчэнь раздраженно улыбнулся, но был довольно беспомощен:

— Цзи Юнь обручится через несколько дней.

Говоря это, он приподнял одеяло, и Тан Шуми отодвинулась в сторону, давая ему пространство:

— Почему ты не сказал раньше?

Цзи Линьчэнь не сказал ни слова и посмотрел на нее.

Если я скажу тебе раньше, ты вспомнишь?

Цзи Юнь был самым младшим дядей Цзи Линьчэня по отцовской линии, он был всего на пять лет старше него.

Цзи Юнь совершенно не вписывался в семью Цзи, он не любил бизнес, не любил политику и был предан развлечениям.

Однако Цзи Юнь вовсе не был плейбоем, просто его направление интереса не было одобрено семьей Цзи.

Команда «Обсидиан» была возвращена Цзи Юнем, и несколько развлекательных компаний под руководством группы Цзи также были созданы им самостоятельно.

Тан Шуми любила общаться с этим младшим дядей, в конце концов, он был единственным в семье Цзи, кто мог поболтать с ней о том, как «есть, пить и хорошо проводить время».

П.п.: по сути, это относится к образу жизни Тан Шуми, который сосредоточен на досуге и удовольствиях.

— Высуши волосы насухо, а только потом ложись спать, — Цзи Линьчэнь обратил внимание на влажные длинные волосы Тан Шуми.

Тан Шуми покачала головой:

— Полное высыхание повредило бы моим волосам, я втерла эфирные масла.

Цзи Линьчэнь уже давно стал беспристрастен к ее крайней строгости в отношении мелких деталей и больше ничего не сказал.

— Можешь ложиться спать, а я подожду, пока высохнут мои волосы, — ответила Тан Шуми.

Цзи Линьчэнь заснул первым, Тан Шуми взяла свой айпад и некоторое время просматривала художественные журналы, ожидая, пока ее волосы полностью высохнут. Она отложила планшет и потянулась, чтобы выключить свет.

Шуми завернулась в мягкие простыни, ее рука внезапно почувствовала тепло, исходящее от тела по соседству.

Шуми затаила дыхание, наострив уши, чтобы прислушаться.

Звук его дыхания был очень тихим, почти беззвучным.

Засыпает так быстро.

Тан Шуми повернулась к нему спиной и медленно закрыла глаза.

Пять минут спустя.

Колени Шуми коснулись ее груди, и сама она полностью свернулась в клубок.

Последовала еще одна волна боли, и ее рука прижалась к животу, а другая закрыла рот.

Она боялась, что не сможет удержаться от крика, если не закроет рот.

На лбу у нее выступил холодный пот, рука, прикрывавшая рот, сжалась в кулак. Шуми продолжала кусать костяшки пальцев.

Как раз в тот момент, когда ей было так больно, что мир закружился, прозвучало «па».

Тусклая комната внезапно стала яркой, свет лампы был таким ослепительным, что Шуми не могла открыть глаза.

— Цзи Линь...

В промежутке между вспышками боли кто-то подхватил ее на руки.

Шуми слегка подняла голову, в ее поле зрения отразилось утонченное и красивое лицо. Мягкий свет лился вниз над его головой, ресницы отбрасывали легкую тень на прохладную бледную кожу.

Темные глаза, казалось, отражали частицы разбитых звезд, они мерцали.

Прошло много времени, и Шуми горько возненавидела себя за то, что не стала сопротивляться. Хоть ей до сих пор было больно, она все еще могла влюбиться в красоту врага.

— Тебе очень больно?

Брови мужчины нахмурились, но быстро разгладились.

— Я пойду за лекарствами.

Когда тепло на ее животе быстро исчезло, Шуми осознала, что Цзи Линьчэнь держал ее в своих объятиях, чтобы погладить ее живот.

Это было слишком странно, Шуми не могла не чувствовать себя ошеломленной.

— Сколько таблеток тебе нужно принять? — Цзи Линьчэнь держал в одной руке чашку с водой, в другой — лекарство.

Тан Шуми тихо сказала:

— Две.

После приема лекарства болезненное ощущение в животе явно ослабло, и Тан Шуми почувствовала себя немного лучше.

Цзи Линьчэнь выключил свет, протянул руку и притянул ее в свои объятия.

Тан Шуми услышала стук его сердца в груди, ее уши необъяснимо накалились.

Это был первый раз, когда она спала в чьих-то объятиях, и это был ее фальшивый жених. Шуми на самом деле отчаянно хотела вырваться на свободу.

Однако это было действительно слишком удобно, и Шуми неохотно приняла это.

Солнце Парижа было теплым, и когда Тан Шуми проснулась, она обнаружила, что на большой кровати лежит только она одна.

Если бы не наполовину полная чашка воды, стоявшая на тумбочке, она бы подумала, что прошлая ночь была сном.

Умывшись и переодевшись, Тан Шуми спустилась в ресторан на первом этаже.

Сюй Минчжу, Су Чжэнь и другие с самого утра уже сидели за столом.

Сегодня Тан Шуми была одета в чисто белое платье-костюм в стиле Шанель, с кружевной рубашкой с длинными рукавами на подкладке и сверкающим жемчужным ожерельем на шее. Она купила его на аукционе, и говорили, что это было сокровище королевы Вито.

Ее длинные волнистые волосы были лениво убраны в прическу, в них было вставлено чистое белое перо.

Совсем как принцесса королевского двора в средневековье, благородная и элегантная.

— Ву-ву-ву, наша Мими сегодня стала феей! — Сюй Минчжу ела свой завтрак, тупо глядя на нее.

Су Чжэнь встала, обойдя Шуми один раз вокруг она спросила:

— Это платье выглядит очень красиво, какая семья его сшила? Почему я никогда не видела его раньше? Я также хочу купить комплект!

Очевидно, этот эффект был из-за феи, которая заставила его выглядеть хорошо.

Тан Шуми подняла бровь:

— Даже не думай, ты не можешь это купить.

— Почему?

— Потому что есть только один экземпляр.

— Тогда как получилось, что ты смогла?!

— Потому что я Тан Шуми.

— Хм..!

Су Чжэнь снова села и принялась есть два больших куска пирожных с высоким содержанием сахара и углеводов.

Тан Шуми мягко улыбнулась, отодвинула стул и села напротив Минчжу...

— Шуми, сегодня утром у меня были галлюцинации, — Сюй Минчжу вдруг кое-что вспомнила и сказала.

Тан Шуми налила себе молока:

— Хм?

— Я видел, как Чжао Янь прошел мимо прямо передо мной. Что-то не так с моими глазами?

Тан Шуми:

— ...С тобой все в порядке.

— Это действительно был Чжао Янь?

— Ммм.

— Значит, Цзи Линьчэнь тоже здесь?

Шуми кивнула.

— Неудивительно, что у тебя такой румяный вид, оказывается, тебя баловали, — Сюй Минчжу

вдруг поняла причину.

— ...?!

— Когда ты истекаешь кровью, позволь кому-нибудь побаловать себя!

Су Чжэнь, которая сегодня намеревалась проигнорировать Шуми, не могла не вмешаться.

— Значит, Линьчэнь твоей семьи пришел не просто так.

?!

!!!

Ей очень хотелось ударить их по лицу.

Шуми откусила кусочек черного цельнозернового хлеба, сказав с притворным высокомерием:

— Эта мисс никогда не была грелкой для постели.

— Тогда кто же ты? — Су Чжэнь моргнула.

Сюй Минчжу тоже растерянно посмотрел на нее.

Даже светские львицы 1, 2 и 3 не могли удержаться от того, чтобы не бросить на них свой взгляд.

Я - невеста Цзи Линьчэня.

Эти слова, очевидно, были непроизносимыми, хотя и были правдой.

Это также не было реальностью, это была просто номинальная сделка.

Цзи Линьчэнь был вынужден поставить красивую цветочную вазу в своем доме, и ей требовалось достаточно богатое золотое бедро.

П.п: ваза - это оскорбление, используемое для обозначения кого-то, кто существует исключительно для видимости и не имеет фактического использования.

— Я - фея, — Тан Шуми надменно вздернула подбородок.

Светские львицы города Цзян: «...»

<http://tl.rulate.ru/book/38453/1445146>